

А.Д. КАРНЫШЕВ

Доктор психологических наук, профессор
Зав.кафедрой социальной и экономической психологии БГУЭП
г. Иркутск

М.А.ВИНОКУРОВ

Доктор экономических наук, профессор, ректор БГУЭП
г. Иркутск

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОВЕСЫ ГЛОБАЛИЗМУ

Karnyshev A. D.

Doctor of Psychology,
Professor, head of department of social and economic psychology BNUEL

Vinokurov M. A.

Doctor of Economics, Professor, Rector of BNUEL
Ethno-cultural, psychological and economic balances globalism

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT IN ORGANIZATION OF CREATIVE WORK

Аннотация. Используя положения и факты экономической этнопсихологии, авторы показывают факторы противодействия глобализации в современном мире. Особенности менталитета народов и их стремление к самосохранению, самобытность и равноправие «малых» и «средних» этносов в полиэтничных странах, своеобразие религиозных воззрений, национальная специфика управления в социальных и экономических структурах – эти и другие факторы становятся противовесом унификации и стандартизации жизнедеятельности народов в мировом сообществе.

Ключевые слова: глобализм и его последствия, национализм, экономическая этнопсихология, иммигрантские сообщества, толерантность, межкультурная компетентность.

Summary: The authors show the anti-globalization factors in the modern world using the position and the facts of economic ethno-psychology. Features of the mentality of people and their desire for self-preservation, identity and equality of «small» and «middle» of ethnic groups in multi-ethnic countries, the peculiarity of religious beliefs, national specific management in the social and economic structures – these and other factors become a counterweight to the unification and standardization of life of peoples in the world community.

Keywords: globalism and its consequences, nationalism, economic, ethnic psychology, immigrant community, tolerance, intercultural competence.

Осенью 2010 г. в издательстве «Институт психологии Российской Академии Наук» (г. Москва) вышла в свет наша книга «Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии». Одним из главных

стержней данной работы является мысль о том, что этносы и в глобализирующем мире сохраняют свою уникальность и самобытность в хозяйственной и культурной жизни, во взаимодействии с другими народами. Рельефно эта мысль была отражена в заключении книги. Это заключение с некоторыми дополнениями мы и публикуем в статье.

Хотя термин «глобализация» в наши дни стал широко употребляться как в научной, так и популярной литературе, однако общепринятого определения понятия глобализация не выработано до сих пор. Под ним обычно подразумеваются как всеобщие проблемы, затрагивающие мир в целом, так и последствия интеграционных процессов в экономической, политической и социокультурной сферах общественной жизни. Следствием этого является возникновение новых понятий, описывающих изменения в тех или иных сферах человеческого сообщества, – финансовая глобализация, культурная глобализация, информационная глобализация. Прогнозируют приход глобального языка (эсперанто), глобальной религии (плюротеизма), глобальной демократии. Говорят также о зарождении в недалеком будущем качественно нового человека и глобальной формы сообщества – мегаобщества, мегакультуры, суперэтносов и др.

С точки зрения экономической психологии и ее «этнической ветви», которую мы обосновали в 1999 и 2000 г. (см.1,3,4), наибольшую проблематичность заключает мысль о том, что государства и народы сольются в единое планетарное образование, в котором будут ликвидированы этнические, национальные, религиозные и культурные различия, исчезает необходимость наукоемких традиций. Часто процесс унифицирования, нивелирования разных сфер и явлений жизни изображается как отличительная и в высокой степени инновационная черта современности. В качестве веских доказательств приводятся факты о том, что развитие мировой экономики сближает запросы и вкусы потребителей, стандартизирует производство, формирует одинаковое отношение людей к проведению досуга и отдыха, возвращает гедонизм. Реалиями развития общества и личности, через которые формируется и в которых проявляется глобализация, выступает следующее:

– во всем мире используется продукция транснациональных корпораций: в быту, на производстве, в сервисном обслуживании и т.д.;

– развивается Интернет – экономика (реклама товаров, маркетинговые исследования, электронная ком-

мерция, оплата счетов);

– с помощью современных средств передвижения появляется все больше возможностей свободного перемещения из одной страны в другую в кратчайшие сроки;

– упрощаются процедуры получения гражданства во многих государствах;

– совершенствуются информационные системы, прежде всего на компьютерной основе: Интернет, рунет и пр.);

– разветвляется сеть средств массовой информации, они становятся более доступными в разных уголках земного шара;

– все чаще производится подбор профессионалов кадровыми агентствами из числа претендентов разных стран через Web-сайты, с возможной оценкой и аттестацией на основе электронных (специально подготовленных) тестов;

– автоматизируется управление (производственное и административное), которое нуждается в повышении степени электронного контроля над работниками;

– массовая культура развивается на унифицированном и экономическом и информационном фундаменте, для которого неприемлем известный тезис «на вкус и цвет товарища нет»;

– значимое влияние в каждой стране приобретают международные организации типа ООН и естественная всеобщая унификация;

На современном этапе трудно представить общество вне этих реалий. Но все же общие выводы, которые из этого делаются, далеко не всегда соответствуют реальностям, и мы это покажем дальше.

Глобализм как социальное явление, формирующееся на показанном выше экономическом и информационном фундаменте, не может не вырабатывать свою идеологию. Как всякой общественной системе она нужна ему, чтобы внедрять ее в сознание своей «единицы» – Homo globalis – «глобального» человека. Пусть это будет унифицированная, но ценностная, пусть стандартизированная, но все же общее мировоззрение. И сразу же встает вопрос, к какой все же идеологии обратятся сторонники глобализма, на какие ориентиры они нацелятся. У западных инициаторов данного процесса на этот вопрос уже имеется свой ответ, который четко прослеживается в высказывании З. Бжезинского: «Во всем мире следует принять западные ценности, институты и культуру, потому что они воплощают самое высшее, самое просвещенное, самое либеральное, са-

мое рациональное, самое современное и самое цивилизованное мышление человечества» (цит. по 5, с. 211).

С психологической точки зрения, «американская» модель глобализации может вызвать две тенденции. С одной стороны глобализация будет повышать оценку тех, кто, внес «наибольший вклад» в развитие ее ценностей, определять оценку народов исходя из уровня их социального и экономического развития и приближенности его к американскому «идеалу» прежде всего. Соответственно, среди тех, кто идентифицирует себя с американцами будут преобладать завышенные этнические самооценки, сопровождающиеся искажением группового самосознания, доминированием чувства собственного превосходства и недифференцированным отношением к иным национальностям и этносам, наличием негативных предвзятых суждений по отношению к другим. И наоборот, глобализация будет способствовать занижению значимости своего этноса у представителей народов, у которых есть свои, но не «самые-самые» ценности, и, возможно, приводить к чувству неполноценности, осознанию некоторой ущербности. Данным негативным тенденциям, на наш взгляд, будет противодействовать этнопсихология народов, как область самосознания и научная дисциплина. Причины этого весьма реальны.

Во-первых, как показывают многие, в том числе и наши исследования и практические реалии, у большинства народов сильна потребность сохранять и отстаивать идею своей самобытности, отделять себя от других этнических групп, поддерживать свои традиции и обычаи, развивать свою культуру. И доказательством этому служат как эмпирические обзоры этнических стереотипов, подтверждающие стремление отграничить и противопоставить «свою группу» «чужим», как и определенная спецификация экономической деятельности.

Стоит с этой точки зрения взглянуть на две группы фактов, проявившихся в последние годы в цивилизованных государствах. С одной стороны, все больше проявляется стремление различных иммигрантских сообществ сохранять в принявших их странах свою культуру, язык, традиции, лишь в некоторой степени осваивая то, что необходимо для получения и освоения необходимой работы и профессии. Замечено, что и селятся на «новой родине» иммигранты преимущественно там, где уже живут приехавшие раньше земляки. Там они чувствуют себя заметно комфортнее, поскольку «свой круг» позволяет лучше адаптироваться на новом месте, скорее обустроиться, общаться с людьми,

которые хорошо понимают твои нужды и чаяния и разделяют твои верования. К примеру, в США китайцы селятся в чайна-таунах, армяне – в Глендале, «армянском квартале» Лос-Анджелеса, русские – на Брайтон-Бич в Нью-Йорке и улице Гири в Сан-Франциско, итальянцы полируют столики перед рестораничками в Little Italia. У них теперь собственные радиовещание и телевидение, газеты и журналы, магазины и школы. То есть фактически налицо своеобразная попытка становления нации внутри американской нации. Многим совсем не нужна новая родина. Им нужна только работа, которая позволит достойно жить. А культура их устраивает своя. Сменившая концепцию «плавильного котла» концепция «межэтнического салата», подчеркивает, что ингредиенты последнего и в общей массе салата сохраняют свой специфический вкус.

С другой стороны, «принимающие» народы в европейских странах остро почувствовали негативизм подобного рода обустройства иммигрантов, которые как бы въехали со своим уставом в чужой монастырь и ведут себя в нем достаточно агрессивно. Политики и футурологи даже заговорили о том, что в не столь далеком будущем многие европейские государства по преобладающему населению станут мусульманскими странами. Страшась данной перспективы, в Европе заговорили о том, что толерантность к «пришлым» оказалась улицей с односторонним движением, и преимуществом здесь пользуются «чужие». «Правые» сегодня даже предлагают «толерантность с кулаками», которая позволит «коренным» народам отстаивать и защищать свои корни.

Приведенные две группы фактов по сути составляют одну тенденцию – отстаивание народами своего национального лица, вопреки глобализирующим популистским тенденциям. Но есть и более мягкие формы реакций защиты уникальности и самобытности этнической группы. В мировой практике известны случаи своего рода «бравирования» своеобразием своей «кухни», одежды, разных ритуалов и привычек. Это происходит тогда, когда люди подсознательно или сознательно, чувствуют угрозу своей уникальности, в связи с чем хотят противопоставить себя «другим», выделить свою этническую принадлежность, провести грань между «своими» и «чужими». Адекватную, на наш взгляд, реакцию нужно ожидать в тех случаях, когда сторонники глобализма будут осуществлять «давление» на национальное и этническое самосознание с целью его нивелирования. Демонстративное обращение к своим корням у многих народов, как и у других этнических групп выступает результатом особенным образом раз-

вившегося массового сознания, формой показа своей непохожести и престижности.

Во-вторых, говоря о противодействии глобализаторским тенденциям, стоит сказать, что с точки зрения экономической этнопсихологии радикальные «глобализаторы» забывают не только о специфических запросах и потребностях людей, но и не берут во внимание основы жизни малых этносов, которые проживают в конкретных местностях полиэтничных государств, где идеи глобализации или совершенно неизвестны или предстают в сознании людей как абстрактные и эфемерные. Даже пользуясь любыми транснациональными продуктами, этим людям нужно одновременно трудиться, жить, не забывая традиции своих предков. Именно этим людям нужно возрождение традиционных экономических деятельностей, сохраняя которые они будут оберегать и самобытность своей культуры, индивидуальность своего этнического лица.

Тенденциям исчезновения этнических групп с мировой сцены в первую очередь противостоят реалии стран, в составе которых много самобытных и равноправных национальностей. Уникальным примером здесь можно назвать страну «кленовых листьев». Канада – это страна меньшинств, этнокультурных групп, большинство членов каждой из которых считает себя канадцами и одновременно с гордостью подчеркивает свою принадлежность к данной этнической группе, не выказывая сознательного стремления к ассимиляции с какой-либо другой группой. В первом десятилетии 21 века в населении Канады можно выделить более 100 отчетливых этнических групп (периодические издания в стране выходят на 60 языках), причем лишь 2,8% жителей страны в ходе последней полной переписи населения определили свою этничность как просто «канадцы». Из остальных, сознающих свою специфическую этничность 97,2% канадцев:

- 3,9% отнесли себя к коренным народам Канады (индейцам и инуитам-эскимосам);
- 23,5% указали на свое «чисто французское» происхождение;
- 29,4% – на «чисто британское» происхождение (английское, шотландское, валлийское или ирландское);
- 4,1% – на смешанное британское и французское;
- 12,2% – на британское и / или французское, смешанное с представителями других этнических групп;
- 29,6% определили себя как представители «прочих» этнических групп.

Последняя группа, доля которой в населении Канады стабилизировалась (по прогнозу министерства населения Канады, в 2006 г. она составит 27%), выказывает известную сопротивляемость к ассимиляции.

Не трудно понять, что такая своеобразная этническая «мозаика» не применит возможностью защищать самое себя от любых националистических и глобалистических посягательств. И одним из важных орудий такой защиты является межкультурная компетентность, поскольку она помогает раскрывать уникальную красоту каждой из этнокультурных групп и обеспечить между ними содержательный диалог.

В-третьих, рассматривая тенденции глобализма в качестве стратегии мирового развития, нельзя не упомянуть о еще одной «всемирной силе», которой явно «не по нутру» победное шествие глобализации. Речь идет о тысячелетиями устоявшихся мировых религиях. Любое божество как всевышнее существо никогда не смирится с попытками людей создать нечто, стоящее над ним. Будда, Магомет, Христос и иже с ними «небесные лидеры» ждали, ждут и будут ждать от человека почтения к своим религиозно-нравственным канонам и догматам и постараются пресекать всяческие «небогующие» идеи. Достаточно вспомнить христианскую легенду о вавилонской башне «высотой до небес», что бы понять это. «И сказал господь: вот один народ и один у всех язык; и вот они начали делать, и не останут они оттого, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого» (Бытие, 11:6,7).

Эту легенду уверенно можно трактовать так, что богу угодно было наличие разных этносов, с их разными языками и традициями, но с единой верой в совершенство божества. Дополним это «грешной» мыслью о том, что богам не импонировала идея о всеобщей унифицированности людей: господь сотворил многоязычие, чтобы подчеркнуть необходимость уникальности и своеобразия народов и личностей.

Снова возьмем для примера Канаду. Здесь наряду с полиэтничностью господствует поликонфессиональность. Существует протестантская Объединенная церковь Канады, но ее прихожане составляют лишь 11,5% канадцев. По числу последователей она значительно уступает католической церкви, к которой относит себя все же менее половины всех канадцев – 45,2% (франкоканадцы, итальянцы, ирландцы, поляки, португальцы и др.), сюда же примыкают украино-католики (униаты) – 0,5%. Англоканадцы в своем большинстве – прихожане упомянутой Объединенной церкви Канады, англикан-

ской (8,1%) и ряда других протестантских церквей. Более 10% жителей Канады – прихожане менее крупных протестантских церквей и сект: лютеране – 2,4% (немцы и скандинавы), пресвитериане – 2,4% (шотландцы), баптисты – 2,5%, пятидесятники – 1,6%, меннониты и гуттериты (бывшие российские немцы) – 0,8%, русские духовоборы – менее 0,1% и многие другие. Православных (греки, часть русских и украинцев) – около 1%. Из нехристианских религий в Канаде представлены иудаизм, ислам, буддизм, индуизм, сикхизм. Все эти конфессиональные общины располагают сетью храмов и других культовых сооружений, совмещающих с религиозной ролью и роль культурных центров для преобладающих этнических групп.

В-четвертых, культурное разнообразие будет сохраняться до тех пор, пока существует многообразие средств коммуникации, как вербальной, так и невербальной, которая в последнее время становится все более значимой. Мы уже отмечали, что особенности менталитета этноса наиболее ярко отражены в языке. Известны случаи, когда в различных языках и даже диалектах, встречаются непередаваемые лексемы, понятные только представителям определенного этноса, поскольку они отражают уникальные ситуации их социально-исторического развития. Роскошь человеческого общения в конкретных этносах чаще всего индивидуальна и интимна, и лучше всего выражается в впитанных с детства средствах родного языка.

Обобщая некоторые положительные функции языка, можно сформулировать следующие положения:

- язык является средством обозначения наиболее важных для данного этноса понятий и символов, отображения окружающего мира в определенных лингвистических категориях;

- он выступает средством общения между всеми представителями этнической группы;

- он обеспечивает выражение каждым индивидом наиболее глубоких, искренних чувств и эмоций, слагаемых собственного духовного мира;

- он представляет возможность обмениваться наиболее значимыми ценностями традиционной культуры между представителями разных поколений, а через свои письменные формы и с ценностями далеких предков;

- наконец, без национального языка невозможно дальнейшее развитие свойственного для этноса менталитета (мировосприятия и миропонимания), существенных свойств духовных богатств этноса.

Для нас весьма значимо и то, что эффективное межэтническое взаимодействие возможно лишь тогда, когда представители других наций вникают в суть и смысл определенных языковых средств народа-соседа.

С тенденциями глобализации, казалось бы согласуются некоторые теории. Так, автор ставшей известной в мире полиэкономической концепции функционирования языков социолог Пьер Бурдьё высказал парадоксальную, но принятую многими мысль, что язык – это тоже товар, от которого многие люди ожидают прежде всего улучшения материальных благ и статуса в обществе. Так, если человек понимает, что знание конкретного языка (тем более наследственное обладание им) обеспечивает ему повышение зарплаты, карьерный рост, выход на различные межэтнические деловые контакты и в целом экономическое процветание – «капиталоемкость» данного языка многократно возрастает. Именно этим обуславливаются два важных обстоятельства, связанных с сохранением национальной самоидентичности. Во-первых, «носители» некоторых языков, как живущие в своих родных, так и зарубежных странах, мягко говоря, не очень стремятся учить другие языки («носители» английского, китайского, немецкого, японского и т.п.). Во-вторых, «языковой капитал» малых народов, а также народов, не выходящих на зарубежные контакты, экономически остается невостребованным. Хотя сами «малые народы», осознав этнокультурную «стоимость» языка своих предков, все чаще начинают действовать по принципу: «мал золотник – да дорог». И это работает на сохранность языковых традиций.

Пятым «противовесом», на наш взгляд, является то, что сегодня в экономике признается тот факт, что и рациональное использование собственности, и эффективное производство, и успешный маркетинг невозможны вне отлаженного управления и одаренных личностей менеджеров. При этом талантливый управленец подается как фигура «наднациональная», обладающая универсальным «набором» качеств вне зависимости от места и времени. На самом деле это не так. Осуществление властных функций в любого рода территориальных и иных образованиях всегда этнопсихологично. Дело, прежде всего, в том, что любое социальное управление, в том числе политическими, производственными и экономическими структурами, не появилось чудесным образом во времена Форда, Файоля, Тейлора, Эмерсона и других талантливых ученых и практиков – основателей науки менеджмента, а тысячелетиями вызревало на национальной почве, неся в себе этническую самобытность мышления, культуры, моральных позиций, от-

ношения к труду и власти каждого конкретного народа.

При этом многие этносы в течение длительного времени существовали изолированно от других, эпоха за эпохой увеличивая уникальность своих управленческих структур. Со временем, особенно в связи с разрастанием межэтнических контактов, в них увеличивалась пропорция общечеловеческих компонентов, так сказать, интернациональных начал, но все же чем самобытней и уникальней был народ, тем более специфичными были системы регулирования всеми сторонами его жизнедеятельности. В этом плане весьма характерен пример, когда Япония, практически изолированная в течение длительного времени вплоть до XIX века от внешнего мира, от других стран, в XX веке взрастила на этнической почве такую систему политического и производственного управления, равной которой, по признанию многих, нет в других странах. «Японский дух, западная техника – вот формула японского чуда. Япония модернизировалась, становилась современной, опираясь на собственную идентичность, оставаясь самобытной, не импортируя западную культуру, а, напротив, проявляя приверженность к своей собственной культуре» (5, с.111).

Представленные факты из особенностей этнического управления дают право на два важных вывода. С одной стороны, современное управление требует высочайшей компетентности менеджеров в технических и технологических вопросах интериализированного производства, в умении стимулировать креативность и творчество сотрудников фирм и корпораций и использовать необходимые Интернет ресурсы информационных систем. С другой стороны, современный менеджер, работающий в конкретной стране, должен быть в курсе особенностей психологии и культуры производителя и предпринимателя конкретных национальностей, их этнических традиций, чтобы обеспечить собственное «национальное» чудо. Ни радикальный национализм, ни глобализм в решении обоих вопросов не помощники, лишь межкультурная компетентность будет способствовать эффективности управления.

Заканчивая статью попытаемся сделать обобщение пяти рассмотренных аргументов, используя следующий прием. Разделим все этнически-неравнодушное сообщество на три возможные группы. Первую из них составим из «приверженцев» межкультурной компетентности (МК) как представителей гуманистической психологии. Две другие части будут представлены из радикальных последователей, с одной стороны, национализма и этноцентризма, с другой стороны – глобализ-

ма. Очертить их схематическое соотношение поможет, на наш взгляд, кривая Гаусса, которая, как известно, графически показывает нормальное распределение данных о каком-то явлении. Крайние точки зрения, позиции и т.п. на такой кривой представлены незначительными величинами, а в «горбе» сочетаются мнения «золотой середины». В нашем случае кривая нормального распределения следующим образом (см. рис. 1).

Анализ «нормального» подхода общества к рассматриваемому явлению позволяет утверждать, что основной характер данного отношения будет отражать разумное большинство «субъектов» межкультурной компетентности. Они признают реальную поступь процесса глобализации, видят ее унифицирующий характер, но все же стремятся отстаивать и проводить в жизнь уникальность и самобытность личностей и этносов. Вполне естественно будут наблюдаться и ситуационные массовые переходы людей в ту или другую сторону.

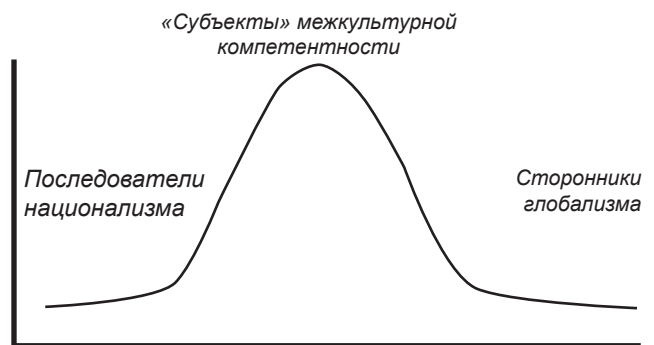

Рис. 1. Возможное соотношение последователей национализма, глобализма и приверженцев гуманистической психологии – субъектов МК

В «идеальном» варианте надо ожидать незначительную представленность рьяных сторонников радикального национализма и глобализма. В нормальном обществе основное количество граждан разных стран и национальностей должно составлять «разумное большинство», т.е. люди, которые осознали необходимость формирования межкультурной компетентности, как «противоядия» против крайних взглядов, как возможность представителей различных этнических групп лучше узнать друг друга, обеспечить взаимопонимание в современных делах и тем самым самосовершенствоваться и самоактуализироваться. Это наилучший вариант межэтнического взаимодействия. Но все же надо признать: идеальные и даже нормальные варианты во многих странах сегодня редки, и это зачастую становится тормозом для нормальных международных и ме-

жэтнических экономических контактов. Это проявляется, например, в мировом масштабе в политическом и правовом противодействии «суверенизации» мигрантских сообществ. В России подобного рода тенденции наблюдаются, прежде всего, в подоплёке и реальном развитии некоторых событий, например, в Кондопоге или на Манежной площади в Москве. В решении таких проблем вряд ли сработают только политические рычаги. В связи с этим для психологов, особенно специализирующихся в экономико-этнических сферах, впереди большое поле деятельности.

Литература

1. Винокуров М.А., Карнышев А.Д. Введение в экономическую этнопсихологию. – Иркутск: ИГЭА, 2000. – 312с.
2. Географический справочник ЦРУ. – Екатеринбург: У.-Фактория, 2005. – 704с.
3. Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. – М.: ИПРАН, 2010. – 480с.
4. Карнышев А.Д., Трофимова Е.Л. Экономическая этнопсихология и тенденции глобализации // Современные проблемы адаптации субъектов хозяйственной деятельности. – СПб.: изд-во СПбГУЭФ, 2004. – с.242-255.
5. Крамник В.В. Россия – поиск идентичности // Россия. Планетарные процессы. – СПб.: СПбГУ, 2001. – с.194-234.

Bibliography

1. Vinokurov M.A., Karnyshev A.D. Introduction to economic ethnopsychology. – Irkutsk: ISEA, 2000. - – 312 p.
2. Gazetteer of the CIA. - Ekaterinburg: U-factoria, 2005. – 704 p.
3. Karnyshev A.D., Vinokurov M.A. Ethnocultural traditions and innovations in economic psychology. - Moscow: 2010. – 480 p.
4. Karnyshev A.D, Trofimova E.L. Economic trends of globalization and ethnic psychology: Contemporary problems of adaptation of economic agents. – St.: Publ. St.Pet. GUEF, 2004. – p. 242-255.
5. Kramnik V.V. Russia – the search for identity / Russia. Planetary processes. – St.: St. Petersburg State University, 2001. – p.194-234